

Фогта не выдерживает никакой критики. Действительно, если история Византии есть лишь воплощение традиций Константина, а сам он — основоположник «великого (!) союза христианства и германизма», то как увязать это с общезвестными фактами, свидетельствующими о том, что после бурных событий начала V в. так называемый «германизм» уже никак не может рассматриваться в качестве «господствующей» или «творческой» силы в Византии? Следовательно, эклектические воззрения Фогта порождают неразрешимые противоречия.

Подведем итоги. Книга Фогта о Константине представляет собою эклектическую работу, задачей которой является сохранение насколько возможно нацистско-расистских представлений о прошлом. Автор стремится представить историю IV в. в духе воинствующего идеализма и мистицизма, хотя и рядится в тогу «научного объективизма», включая в свое сочинение кое-где отдельные положения либеральной буржуазной науки XIX в., резко противоречащие основной реакционной направленности рецензируемой книги. Константин обрисован у Фогта как типичный «фюрер» христианского тоталитарного государства, проводившего идею «германизма». Все эти тенденции, как эклектизм, так и лишь слегка завуалированные нацистские «идеи», чрезвычайно характерны для современной буржуазной исторической науки, идейно порочной и методологически беспомощной.

Безмерная идеализация деятельности императора Константина является прямым следствием идеалистического понимания автором роли личности в истории, неразрывно связанного со стремлением принизить и всячески затушевать активную, творческую роль народных масс во всемирно-историческом процессе, изобразить народные массы лишь как объект, а не субъект истории. Все это лишний раз свидетельствует о глубоком упадке и разложении современной буржуазной историографии.

М. Я. Сюзюмов

W. OHNSORGE. DAS ZWEIKAISERPROBLEM IM FRÜHEREN MITTEL ALTER. DIE BEDEUTUNG DES BYZANTINISCHEN REICHES FÜR DIE ENTWICKLUNG DER STAATSIDEE IN EUROPA

Hildesheim, 1947

В. Онзорге, поставив себе задачей выяснить значение Византийской империи для развития в Европе идеи государства», рассматривает в своей книге взаимоотношения обеих империй средневековья на протяжении более чем четырех столетий, от времени Карла Великого, когда, по мнению автора, возникла «проблема двух императоров», до четвертого крестового похода, когда она потеряла всякое значение. Сделать это в книге, насчитывающей всего-навсего полторы сотни страниц, можно, разумеется, только очень бегло и поверхностно. Такой поверхностной работой и является в действительности рецензируемая книга.

Надо, впрочем, оговориться: этот «труд» представляет собою синтез, обобщение ряда предварительных исследований автора в области намеченной им темы. Онзорге уверяет читателя, что за его сочинением лежат двадцать лет работы над отдельными частями этого синтетического труда

(стр. 5). Действительно, ранее им помещено было в различных периодических изданиях до пяти этюдов, связанных с «проблемой двух императоров»: «Союз императоров против сарацин от 842 г.», «Император Конрад III», «К истории византийского императора Мануила I», «Значение немецко-византийских отношений в XII в. для немецкого Востока» и др.

Мы постараемся, однако, показать, что результаты, полученные в конце концов автором, совершенно не оправдывают затраченных им «научных» усилий.

В методологическом отношении автор стоит целиком на позициях идеализма. В центре его внимания находится идея императорской власти, позаимствованная, как он полагает, германскими королями из Византии: «Византия имела значение направляющей политической подосновы для всей истории императоров раннего средневековья» (стр. 132). Эта идея живет и действует у автора как некая абстрактная сущность, метафизическая сила, направляющая политику германских императоров, даже столь несходных по своему характеру, как Генрих II и Оттон III (стр. 72, 73, 78). О последних он прямо говорит, что их восточная и италийская политика коренится в их «идее империи» (стр. 71).

Идеалистически объясняет он и крупные социально-политические движения средневековья, такие, в частности, как иконоборчество или крестовые походы. Иконоборчество в Византии, по его мнению, было чисто религиозным движением: «Спор об иконах в Византии, — пишет он, — нужно понимать как последнюю форму старых споров о божеской природе Христа» (стр. 17).

Что касается крестовых походов, то эти грабительские, преимущественно феодалные предприятия он выводит из некоей «идеи вооруженного паломничества рыцарских войск (так характеризует автор первый крестовый поход) под духовным руководством и без участия глав государств», идеи, которая якобы «сообщила проповеди крестового похода зажигающую действенность» (стр. 86).

В рецензируемой книге отчетливо проступают порочные политические тенденции, в частности, стремление автора оправдать разбойничью агрессивную политику средневековых германских императоров в Италии, их агрессию против Византии, а также против славянских народов Восточной Европы. Эти тенденции представляются тем более странными, что свою работу Онзорге закончил после второй мировой войны и разгрома гитлеровской Германии, когда нацистские фальсификации средневековой истории, казалось бы, должны были отойти в область прошлого. Однако рецензируемое сочинение далеко не свободно от таких фальсификаций. Приведем некоторые примеры.

Автор в полном противоречии с историческими фактами навязывает Карлу Великому политику, представлявшую собою, по мнению Онзорге, сознательную реализацию идеи «свободной от Рима, не универсальной (разрядка наша. — Н. С.), но народно-ориентированной, франкско-христианской, германской» (разрядка наша. — Н. С.) императорской власти» (стр. 9, 10). Уже самим составом империи Карла Великого, которая представляла собой «конгломерат племён и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки»¹, этот фальшивый тезис опровергается.

Стремление обелить агрессивную политику германских императоров, представив ее в виде якобы «национальной» и только «национальной» политики, сказывается даже в характеристике, дающей автором Оттону I.

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1950, стр. 12.

Онзорге утверждает, что Оттон I, подобно Карлу Великому, хотел быть только германским императором, что он даже «питал отвращение к римскому императорскому титулу под конец своей жизни», и если он возродил империю, то сделал это «по соображениям мировой ситуации» (стр. 60). Это утверждение, конечно, ничего общего не имеет с действительностью; известно, что Оттон I, выполняя волю германских феодалов, стремившихся к захвату и грабежу итальянских земель, добивался создания именно «мировой» империи, что он, следовательно, пытался осуществить планы, не имевшие под собой — ни у него, ни у других германских императоров — ровно никаких реальных оснований. Точно так же и политика Оттона II, имевшего в виду захват южной Италии, плохо согласуется с точкой зрения автора относительно якобы «национального» характера военно-дипломатической деятельности немецких императоров. Впрочем, Онзорге вынужден говорить о расширении политических интересов Оттона II; однако он возлагает ответственность за это на жену Оттона II — Феофано. Причем автор и здесь спешит «реабилитировать» захватнические планы германского императора, которые были, оказывается, «борьбой за существование против Востока» (?) (стр. 64), тогда как на самом деле они носили чисто захватнический характер, такой же, как и у его предшественников.

Попытки представить агрессивную политику германских императоров в виде «оборонительной» политики и тем самым замаскировать ее подлинный характер в целях исторического оправдания этой политики явственно обнаруживаются и в других местах рецензируемой работы. Вообще автор не склонен считать итальянские aspirations германских императоров средневековья их ошибкой, — это, по его мнению, значит судить о событиях того времени с современной точки зрения. Он целиком оправдывает завоевание Италии. Последнее, полагает он, было необходимо для торжества идеи императорского достоинства и защиты Запада (!) от Византии (стр. 133). Стремление реабилитировать агрессивную итальянскую политику германских императоров XI—XII вв. проявляется здесь достаточно отчетливо. И не только итальянскую политику, но и захватнические намерения в отношении Византии Онзорге берет под свою защиту. Так, причину честолюбивых замыслов Генриха VI относительно Византии автор усматривает в том, что «Константинополь при Комнинах развернул в высшей степени сильную экспансию в западном направлении» (стр. 13), а господствующей идеей большой политики Гогенштауфенов была мысль о «защите территориальной целостности Западной империи от нападений с Востока» (стр. 12). Это утверждение полностью искажает действительный агрессивный антивизантийский характер политики Генриха VI, не говоря уже о том, что совершенно немотивированной с фактической стороны является оценка византийской внешней политики при Комнинах. Известно, что «западное» направление византийской внешней политики было делом не всех Комнинов, а только одного Мануила; что касается Генриха VI, то ведь он собирался «защищать» Западную империю от «агрессии» из Византии в... 1197 г., когда не только Мануила, но и вообще Комнинов давно не было на византийском престоле. Факты говорят о том, что не «защита» Запада от Византии лежала в основе политики этого представителя династии Гогенштауфенов, которого К. Маркс метко характеризует как «каналью чистой воды»¹. Гораздо ближе к истине будет прямо противоположный тезис: слабая Византия Ангелов была лакомой приманкой для честолюбивого Гогенштауфена, мечтавшего о «мировом» господстве.

¹ См. К. Маркс. Хронологические выписки. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V, стр. 177.

Прямым рецидивом фашистской фальсификации истории является оправдание в книге Онзорге захватнической политики германских королей за Эльбой, в области славянских земель. Так, говоря на стр. 131 о том, что якобы «только в одном пункте (?) германские императоры постоянно пытались выдвинуть вперед пограничные столбы империи, — это на Восточной границе, в борьбе против язычников», Онзорге в оправдание этой политики ссылается на лживый и ничего общего не имеющий с исторической действительностью тезис о том, что будто бы религиозные соображения были единственным и главным стимулом этой политики, что, дескать, «немецкая империя в период раннего средневековья была империей христианской» и что «мысль о миссионерской и колонизационной деятельности со времени первых Каролингов была ведущей идеей государства».

Однако хорошо известно, что не религиозные мотивы руководили германскими феодальными колонизаторами заэльбских земель: их толкала на захваты жажда грабежа, стремление к завоеванию новых земель и т. д. Автор «забывает», кстати сказать, что русские, поляки и чехи отнюдь не были «язычниками», а ведь германские императоры и феодалы не раз пытались и здесь «выдвинуть вперед пограничные столбы империи». Таковы коренные пороки работы Онзорге.

Нельзя не отметить, что автор стремится поставить и по-новому разрешить целый ряд частных вопросов из истории взаимоотношений обеих империй, но эти попытки приводят его к целому ряду весьма сомнительных домыслов или прямо неверных утверждений.

К числу первых мы относим, например, его объяснение причин падения императрицы Ирины. Онзорге полагает, что Ирина была низвергнута иконодудами, опасавшимися ее брака с Карлом Великим, которого автор считает противником иконопочитания (стр. 18). Иконодуды думали, что реализация этого проекта «была равнозначущей с требованием перехода Востока от иконопочитания и иконоборчеству». Согласие Ирины на этот брак, по мнению автора, и погубило ее: «Западная политика Ирины повлекла за собою ее падение» (стр. 36). Все это не находит достаточных оснований ни в одном из двух основных наших источников по этому вопросу — ни у Феофана, ни у Эйнхарда. Кроме того, политика императора Никифора, возглавившего переворот, была, как известно, направлена против социально-экономических интересов иконодудльской партии. Все эти соображения подтверждают взгляд, утвердившийся в советской исторической литературе на византийские события 802 г.: согласно этому взгляду, события 802 г. были очередным дворцовым переворотом военнопридворной знати, не имевшим никакого отношения к матримониальным планам Карла Великого¹.

Еще меньше оснований имеет под собою другое утверждение Онзорге, на этот раз касающееся нашей отечественной истории. Автор полагает, что в 959 г. киевская княгиня Ольга, приняв крещение в Константинополе, направила будто бы посольство к германскому королю Оттону I с просьбой о присылке в Киев епископа и священников «для просвещения» руссов (стр. 56). Извлеки на свет божий старую, давно опровергнутую басню и отряхнув от нее пыль забвения, Онзорге серьезно говорит об епископе Адальберте, как о «просветителе» руссов (стр. 62), и даже утверждает, что это «обращение» княгини побудило Оттона I добиваться императорской короны: «В 959 г., — пишет он, — произошли два события, которые,

¹ См. М. В. Левченко. История Византии. М.—Л., 1940, стр. 128.

очевидно, и побудили Оттона принять решение возложить на себя императорскую корону: обращение за миссионерами Ольги и вступление на трон Романа II» (стр. 56). Здесь нет необходимости заниматься опровержением этой вздорной басни, так как это уже давно сделано С. М. Соловьевым¹, но только что приведенная цитата свидетельствует, насколько «глубоки» исторические построения Онзорге и какова «новизна» его исторических открытий.

Четвертый крестовый поход представляется Онзорге венецианским решением интересующей его проблемы «двух императоров»: «В 1204 г. в другой форме, в интересах Запада, решила Венеция задачу разгрома самостоятельной Восточной империи» (стр. 126). Само собою разумеется, Венеция, сыгравшая, как известно, главную роль в «отклонении» крестового похода на Константинополь, нисколько не думала об «интересах Запада»: она направила крестоносных авантюристов, вместо берегов Нила или Сирии, на берега Босфора, исходя только из своих собственных интересов.

Нельзя, наконец, не заметить, что автор совершенно напрасно думает, что Византия приняла участие в деятельности Венецианского конгресса 1177 г. (стр. 116). Это противоречит всем нашим источникам по истории Венецианского конгресса — и венецианского и невенецианского происхождения, это противоречит данным как Дандоло и анонимной «Истории дождей венецианских», так и Ромоальду Салернскому, подробно описавшему события конгресса в своих анналах и в специальном отчете об этом конгрессе, деятельным участником которого он сам являлся². Да этого и не могло быть, так как, вопреки мнению автора, Венеция в это время отнюдь не находилась в дружественных отношениях с Византией (стр. 119), и все венецианские попытки добиться таких отношений были безуспешными до самой смерти императора Мануила³.

Хотя рецензируемая работа и претендует на научность, однако она лишена научного аппарата. Автор пытается оправдать себя тем, что, мол, тогдашнее (т. е. во время написания работы. — Н. С.) положение публичных библиотек Германии делало невозможным «прибавление критического аппарата к предмету настоящей работы» (стр. 5). Но поскольку, как он уверяет здесь же, работа писалась 20 лет, ясно, что это оправдание совершенно несостоятельно. Ясно и другое — то, что отсутствие ссылок на источники открывало перед автором широкую возможность выдвигать указанные выше и им подобные произвольные, фальсифицирующие историю домыслы и измышления.

Наконец, следует указать на то, что автор совершенно напрасно думает, что «проблема двух императоров... еще не была предметом исторического исследования» (стр. 7). Отчасти это положение опровергается списком литературы, будто бы использованной автором, и им самим помещенным в конце рецензируемой книги; можно, однако, указать и на ряд других работ, которые говорят против его хвастливого заявления. Назовем хотя бы некоторые сочинения немецких же авторов: для эпохи Карла

¹ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Изд. третье. СПб., без указ. года, т. I—V, колон. 141.

² Andrae Danduli Chronicon. Muratori, vol. XII, col. 301; Historia ducum Veneticorum. MGHSS., vol. XIV, p. 84; Romoaldus II arch. Salernitanus. Chronicon sive annales, MGHSS., vol. XIX, p. 444; De pace Veneta relatio. MGHSS., vol. XIX, p. 463.

³ Это положение подробно обосновано автором настоящей рецензии в его статье, посвященной истории взаимоотношений между Венецией и Византией при последних Комнинах. См. ВВ, т. V, М., 1952.

Великого существуют работы О. Гарнака, А. Остермана, М. Штрауса и др.¹; для времени правления императоров Саксонского дома и Гогенштауфенов можно назвать сочинения Б. Мистакидиса, И. Мольтмана, Г. Капгерра, статьи К. Циммерта и др.².

Кроме того, существует, конечно, значительная литература и на других языках, в частности на русском языке (работа В. Г. Васильевского «Союз двух империй» и др.)³. Надо прямо сказать, что в некоторых из этих работ интересующие автора вопросы рассматриваются гораздо более обстоятельно, чем он делает это в своей книге.

Н. Соколов

F. DÖLGER. DIE BYZANTINISCHE DICHTUNG IN DER REINSPRACHE

München, 1948, SS. 46 (Handbuch der griechischen und lateinischen Philologie, herausgegeben von B. Snell und H. Erbse)

История византийской литературы принадлежит к числу наименее разработанных разделов истории греческого средневековья. Если вопросам политической и экономической истории, искусству, археологии, палеографии посвящено множество отдельных статей и работ общего характера, в которых мы находим попытки очертить основные линии процесса развития, то изучение византийской литературы не пошло дальше частных наблюдений. Византийская литература не стала предметом систематического изучения советского литературоведения, располагающего научным методом марксизма-ленинизма, тогда как буржуазная наука идеалистического и формалистического склада даже и не ставила задачу обобщения конкретных наблюдений. В самом деле, из работ, посвященных истории византийской литературы во всем ее объеме, мы можем назвать, пожалуй, только работы К. Крумбахера, К. Дитериха и рецензируемую книгу Ф. Дельгера⁴. Эти общие очерки страдают рядом серьезных недостатков;

¹ О. Harnack. Das Karolingische und das Byzantinische Reich in ihren wechselseitigen Beziehungen. Göttingen, 1880; M. Strauss. Beziehungen Karls d. Gr. zum Griechischen Reich. Breslau, 1877; A. Ostermann. Karl der Gr. und das Byzantinische Reich. Lugau, 1895.

² В. Mystakidis. Byzantinisch-deutsche Beziehungen zur Zeit der Ottonen. Tübingen, 1892; J. Moltmann. Theofano, die Gemahlin Ottos II, in ihrer Bedeutung für die Politik Ottos I und Ottos II. Göttingen, 1878; H. Kap-herr. Die abendländische Politik Kaiser Manuels mit besonderer Rücksicht auf Deutschland. Strassburg, 1881; K. Zimmerert. Deutsch-Byzantische Konflikt v. Juli 1189 bis Februar 1190; BZ, N 12; его же. Friede zu Adrianopel. Febr. 1190, BZ, N 11.

³ В. Г. Васильевский. Союз двух империй 1148—1155 гг., Труды, т. IV. Л., 1930; его же. Южно-италийская война 1156—1157 гг. (там же).

⁴ К. Krumbacher. Geschichte d. byzantinischen Literatur. München, 1890; издание 2-е, переработанное автором в сотрудничестве с А. Эргардом и Г. Гельцером, вышло в 1897 г. (все ссылки даются по 2-му изданию); Крумбахеру принадлежит также краткий очерк истории греческой средневековой литературы в многотомном издании Die Kultur der Gegenwart, Teil I, Abt. VIII, 1912; K. Dieterich. Geschichte der byzantinischen u. neugriechischen Literatur, 1902.

Литература IV—VI вв. рассматривается также в книге W. Christ—W. Schmidt—O. Stählin. Geschichte der griechischen Literatur, T. II. 6 Aufl. München, 1924. Список исследований не исчерпывается указанными; другие — весьма немногочисленные — работы в этой области, посвященные византийской литературе на всем протяжении ее существования, не представляют никакого интереса и не привле-